

О преподавании лингвистики в МГУ и РГГУ

Владимир М. Алпатов

Институт языкознания РАН, Москва, Россия, v-alpatov@ivran.ru

Аннотация. В Москве лингвистическое образование ведется в МГУ (с 1960), в РГГУ (с 1991) и в ВШЭ (с 2000-х гг.); в 1960-е гг. оно велось и в МГПИИЯ. Везде шла и идет подготовка специалистов по тому, что теперь называется компьютерной лингвистикой, но везде в той или иной степени выпускаются и лингвисты – научные работники и переводчики и преподаватели языков. В каждом из вузов сложились свои традиции, приоритеты бывают различными, но везде достаточно многие выпускники внесли вклад и в научную, и в научно-практическую и образовательную деятельность.

Ключевые слова: лингвистическое образование, МГУ, РГГУ, традиции ОСиПЛА в ИЛ РГГУ

Для цитирования: Алпатов В.М. О преподавании лингвистики в МГУ и РГГУ // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2021. № 2, ч. 2. С. 210–220. DOI: 10.28995/2686-7249-2021-2-210-220

On the linguistic education at MSU and RSUH

Vladimir M. Alpatov

*Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia, v-alpatov@ivran.ru*

Abstract. In Moscow, linguistic education has been conducted at Moscow State University (since 1960), at the Russian State University for the Humanities (since 1991) and at the Higher School of Economics (since the 2000s); in the 1960s it was also conducted at the Moscow State Linguistic University. All of these universities have been training specialists in what is now called computational linguistics, but they also graduate linguists – scientists, translators and language teachers. Each of the universities has developed its own traditions, and though their priorities are different, quite a few of their graduates have made a contribution to scientific, practical and educational activities.

Keywords: linguistic education, MSU, RSUH, the traditions of the Department of Theoretical and Applied Linguistics at RSUH

For citation: Alpatov, V.M. (2021), “On the linguistic education at MSU and RSUH”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 2, part 2, pp. 210-220, DOI: 10.28995/2686-7249-2021-2-210-220

В Москве лингвистическое образование, отличное от традиционного филологического, а во многом противопоставленное ему, велось в разное время в четырех вузах: МГУ (филологический факультет, с 1960 г. по настоящее время), МГПИИЯ им. М. Тореца (ныне МГЛУ, в 1960–1970-х гг.), в РГГУ (институт лингвистики, с 1991 г. по настоящее время) и в ВШЭ (с 2000-х гг.).

Я не буду говорить о ВШЭ и лишь кратко упомяну про МГПИИЯ: в этих вузах я не учился и не работал. Я учился на отделении структурной и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ в 1963–1968 гг., затем преподавал там же (эпизодически с 1973, постоянно с 1993) и в РГГУ (1994–2018). Здесь я могу обобщить свои впечатления и сравнить постановку дела в данных вузах.

Отделения в МГУ и МГПИИЯ были созданы на волне охватившей тогда наше (и не только наше) общество всеобщей автоматизации и формализации разных сфер жизни, включая науку (теперь это называют компьютеризацией, но тогда такого слова еще не было). В лингвистике это в СССР тогда происходило в форме структурализма, требовавшего создания точных методов исследования и отстаивавшего независимость своей науки от всех других, исключая математику. В США и некоторых других странах к тому времени структурализм начал вытесняться генеративизмом, но у нас тогда еще господствовал структурный подход, что отразилось и в названии отделения МГУ (первоначально оно называлось отделением теоретической и прикладной лингвистики, но в 1963 г. уже стояло слово *структурный*). Идеи Н. Хомского в СССР уже были известны, а «Синтаксические структуры» даже изданы по-русски, но и в 1965 г. А.И. Кузнецова рассказывала о них в рамках курса структурных методов.

Тогда были поставлены две задачи: подготовить специалистов по техническим проблемам, требующим анализа языка (автоматический поиск информации и очень волновавший тогда умы машинный перевод), и развивать новые теории и методы в лингвистической науке, связанные с формализацией и математизацией. Было очевидно, что, с одной стороны, машинные задачи нуждались в участии лингвистов, с другой стороны, эти лингвисты должны иметь нетрадиционную подготовку. Два организованных в то время отделения пошли разными путями. В МГПИИЯ в центре внимания были прикладные проблемы, в МГУ все было теоретично.

Подготовка специалистов в МГПИИЯ, вероятно, была более эффективной, так как была лучше продумана с точки зрения решения практических задач. Там студентов активно включали в развернувшуюся в этом институте прикладную деятельность. Работали

и умелые прикладники, и тогдашние лидеры «передовой лингвистики» вплоть до «самого» И.А. Мельчука, который не допускался на филологический факультет МГУ (хотя в Институте восточных языков при университете он иногда выступал). В МГУ подключение студентов к практической деятельности не было столь существенным. Вот пример, может быть, не совсем показательный. Заведующий кафедрой в МГУ В.А. Звегинцев считал необходимым освоить достижения Японии как передовой страны в области прикладной лингвистики. Поэтому в 1963 г. была организована японская группа, куда попал и я (первая на отделении группа с восточным языком; потом они периодически возобновлялись). Но реальность не совпала с замыслами: никто оттуда не пошел в прикладные области. А автоматическим переводом с японского языка в Институте востоковедения АН СССР / РАН в 1977–2020 гг. весьма успешно занималась З.М. Шаляпина, выпускница МГПИИЯ (при том, что она выучила японский язык на курсах уже после окончания вуза). К сожалению, отделение в МГПИИЯ было довольно скоро закрыто.

А в «главном» столичном вузе в первые годы существования отделения ведущую роль играли математики: В.А. Успенский, главный создатель программ, и Ю.А. Шиханович, читавший большинство математических курсов. Программа, составлявшаяся без оглядки на западные образцы, которые до нас и не доходили, была разносторонней: помимо математики были лингвистические курсы и курсы, связанные с разного рода машинной наукой. Не было курсов по литературе, занимавших ведущее место на других отделениях филологического факультета, зато было много очень сложных математических курсов, занимавших большую часть учебного времени. Кроме того, сохранялась традиционно сильная сторона филфака: большой объем преподавания иностранных языков. В результате выпускники отделения имели разнообразные профессиональные возможности: от программирования до преподавания языков. Наша группа вместо прикладников дала видных преподавателей японского языка.

Как читать математику, было хорошо понятно, поскольку здесь компетенция Успенского была несомненной. Логика преподавалась в объеме, превосходившем объем курсов мехмата, не ориентированных на соответствующую специализацию. Успенский пишет: на отделении «преподавание математики..., уступая, разумеется, механико-математическому факультету в объеме, не уступало, а иногда и превосходило обязательные курсы мехмата по логической глубине» [Успенский 2002, т. 2, с. 1018]. Обратной стороной этой глубины был расход сил и времени. Многим не удавалось сдать ма-

тематику вообще, и был гигантский отсев. В нашей группе из первоначальных 16 человек в итоге окончили университет семь.

Насколько это было оправдано? Целей было три. Самая очевидная цель: математика – рабочий инструмент для решения прикладных задач; пусть ими потом будут заниматься не все выпускники, но будущая специализация обычно выявляется не сразу. Другая цель: использование математики в теоретических дисциплинах. Однако имелось в виду и еще одно. Уже в 1990 г. Успенский напишет: «Главная цель обучения лингвистов математике – психологическая. Эта цель состоит не столько в обучении методу, сколько в изменении психологии обучающегося (кто знает, может быть, это и плохо), в привитии ему строгой дисциплины мышления... Роль математики в подготовке лингвистов можно сравнить с ролью строевой подготовки в обучении воина» [Успенский 2002, т. 2, с. 1016–1017]. Реально при малой роли прикладных курсов в обучении на ОСиПЛ именно строевой математической подготовкой занимались в первую очередь.

Реакция студентов была различной. Одни (я, например) воспринимали это как должное, не зная ничего другого. И строевые навыки как-то оставались даже у тех, кто потом не занимался алгоритмами. Опять скажу о себе. Много лет спустя, в 1995 г. мне уже в качестве замдиректора Института востоковедения пришлось участвовать в обсуждении спорной докторской диссертации не по лингвистике, диссертант пришел вместе с женой, по профессии психиатром. После положительного вердикта она начала давать психологические характеристики присутствующим, которых не знала, обо мне сказала: «У Вас не вполне гуманитарное образование». Я в душе обрадовался. Меня, например, раздражало неумение многих (в том числе в Институте востоковедения) отвечать одним словом на вопросы, которые требуют ответа «Да» или «Нет»; они вместо этого начинали отвечать длинными фразами, повторять одно и то же и сбиваться.

Однако всегда бывали строго мыслящие ученые и среди тех, кто учился во вполне гуманитарных вузах. Для меня эталоном среди лингвистов всегда был недавно скончавшийся на 92-м году жизни ленинградский китаист и теоретик Сергей Евгеньевич Яхонтов. Помню, как после доклада на конференции молодого перспективного лингвиста (выпускника ОСиПЛа) он попросил его на каждый задаваемый вопрос отвечать «Да» или «Нет». Каждый его вопрос с железной логикой вытекал из ответа его собеседника на предыдущий; наконец, на пятый или шестой вопрос Яхонтова весь красный докладчик был вынужден сказать: «Да», что означало признание точки зрения, опровергавшейся в докладе. Но если можно этому

научиться и без строевой подготовки, то нужно ли было ради нее доводить студенток до крапивницы и спазма сердечных сосудов?

И, может быть, главное: большие курсы математики сами по себе были бы и хороши, но математическим дисциплинам не было противовеса (а если был, то скорее гуманитарный, как в японской группе). С преподаванием лингвистических и особенно прикладных дисциплин было немало затруднений. Еще не было ясно, что читать по «структурной и прикладной лингвистике». Здесь приходилось использовать метод проб и ошибок. Шли опыты на людях, объективно нередко жестокие, хотя на отделении действовали из самых лучших побуждений. Для многих необходимых курсов было неясно, кому их читать. Очень долго не было налажено преподавание прикладных курсов (вычислительные машины, обработка речи, программирование и др.), преподаватели были случайными, чаще из работавших в кафедральной лаборатории инженеров, не имевших педагогического опыта. И за исключением фонетических предметов, налаженных впоследствии после прихода на кафедру Л.В. Златоустовой, эта часть всегда оставалась на отделении слабым звеном. И в математике при ведущей роли логических курсов меньше внимания уделялось подготовке по статистическим методам. Видимо, сказывалось, что тогда у нас статистика казалась многим менее значимой для математической лингвистики. Любопытно, что в те годы противники структурализма (В.И. Абаев) не возражали против статистических методов, но не принимали логические модели.

Лингвистические курсы или курсы по смежным дисциплинам (психология) читали либо расположенные к отделению профессора факультета (П.С. Кузнецов и Т.П. Ломтев), либо ученые, с которыми мог договориться В.А. Звегинцев, такие как С.К. Шаумян и Н.И. Жинкин. Из них Ломтев, как ни старался, но не вписывался в общий дух отделения, а Шаумян в нескольких курсах читал одну и ту же свою очень абстрактную «аппликативную модель». Еще знакомила студентов с современной западной наукой А.И. Кузнецова. Наконец, уже на старших курсах преподавал сам Звегинцев. Из его курсов отмечу «Историю языкознания»; этот курс через тридцать лет перешел ко мне, и я всегда в большой степени учитывал то, что было у Владимира Андреевича. Однако многого в области лингвистики, как я сейчас понимаю, не хватало, начиная от сравнительно-исторического языкознания (была лишь история русского языка) и кончая полевыми методами.

В 1967 г. начался конфликт двух Владимиров Андреевичей: Звегинцева и Успенского. В результате мехмат МГУ расторг договор с филфаком, и Успенский перестал здесь преподавать. Все

обстоятельства он подробно излагает в мемуарах, но хотелось бы выслушать и другую сторону, а Звегинцев воспоминаний не оставил.

Суть конфликта была в том, что Звегинцев счел нужным сократить количество часов на математику и расширить лингвистические курсы. Успенский пишет, что он был за расширение лингвистических курсов, но только не за счет математики (но тогда за счет чего?). Как часто бывает, своя правда была у обеих сторон, но судить надо прежде всего по результатам. Среди событий на отделении на одну чашу весов можно положить расторжение договора и увольнение Шихановича год спустя. А на другой чаше? *Первое*. Начал вести основные курсы А.А. Зализняк, читавший до того лишь факультативы. *Второе*. Начал их читать и будущий заведующий кафедрой А.Е. Кибрик (до того он читал лишь латынь, затем спецкурс по хоздоговорной теме). *Третье*. Начали преподавать первые выпускники отделения, из которых педагогическими талантами стала сразу выделяться А.К. Поливанова. *Четвертое*. С 1967 г. регулярно начали проводиться лингвистические экспедиции. И первые после всех изменений выпуски 1971 и 1972 гг. сразу дали большое число известных лингвистов, в большинстве успешно работающих до сих пор.

Об экспедициях надо сказать особо. Традиционно среди исследователей конкретных языков преобладал книжный способ получения информации. Главным источником была расписка текстов на карточки. А на ОСиПЛе с конца 1960-х гг. благодаря деятельности Александра Евгеньевича Кибрика и Ариадны Ивановны Кузнецовой началась продолжающаяся до настоящего времени профессиональная подготовка студентов-лингвистов через участие в экспедициях по изучению языков народов СССР, большинство из которых традиционно считались восточными. Экспедиции, по сей день продолжающиеся, стали замечательной школой для многих наших языковедов. Они давали возможность студентам сразу вести самостоятельную полевую работу и в то же время сплачивали научный коллектив и формировали студенческое братство.

Не буду пересказывать всю историю ОСиПЛа, где внутренние проблемы были с того времени в основном решены, но внешние обстоятельства не раз оказывали возмущающее действие. Достаточно вспомнить ликвидацию кафедры в 1982–1988 гг. и отстранение В.А. Звегинцева от руководства. Все же нельзя забывать, что подготовка кадров на отделении никогда не прекращалась и в эти тяжелые годы, и даже тогда отделение смогло подготовить немало известных специалистов. Потом времена изменились, и постепенно под руководством А.Е. Кибрика, возглавлявшего кафедру

в 1992–2012 гг., удалось достичь многого; традиции продолжает нынешний состав кафедры.

Остановлюсь лишь еще на одном периоде истории кафедры и отделения – конце 1980 – начале 1990-х гг., когда параллельно появилось новое лингвистическое учебное заведение – Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ).

Если создание ОСиПЛа имело прежде всего научные и практические причины, то появление РГГУ со всеми его подразделениями отразило перемены в стране в конце 1980-х – начале 1990-х гг., в том числе окончание «холодной войны» и декоммунизацию. В 1920-е гг. многим казалось, что «закон, данный Адамом и Евой», надо отвергнуть и вместо него создавать все по-новому, включая и науку (в языкознании это отразилось прежде всего у Н.Я. Марра). Теперь столь же решительно отвергали, но не всё вообще, а только историю страны после 25 октября 1917 г. Впрочем, в области науки и культуры традиции советского времени, к которым привыкли и которые давали безусловные результаты, во многом сохранялись. Это относилось и к традициям ОСиПЛа, которые на отделении большей частью сохранились.

В РГГУ в большей степени первоначально присутствовала идея создавать новый университет на основе мировых стандартов, которые, впрочем, не слишком хорошо знали. Знали прежде всего одно: в передовых странах нет научно-исследовательских институтов, а наука сосредоточена в университетах. Новый вуз был привлекателен. Переходили многие, иногда целыми коллективами. Например, С.А. Старостин в январе 1992 г. блестяще защитил докторскую диссертацию и почти сразу после этого вместе со всей образовавшейся к тому времени вокруг него в Институте востоковедения группой сравнительно-исторического языкознания перешел в РГГУ. Впрочем, больше всего теряли сотрудники академические институты (может быть, кому-то, кроме всего прочего, нравилась и возможность преподавать), а ОСиПЛ изменил состав меньше. В организации нового университета бывали административные сложности, особенно поначалу. Но, по крайней мере, со стороны казалось, что главная проблема – не внешние препятствия, которые в итоге оказались не столь значительными: время тогда работало на создателей нового вуза. Программы в той обстановке можно было составить совсем самостоятельно, а способные лингвисты, в основном из младшего и среднего поколения, охотно шли сами.

В 1991 г. РГГУ получил целый квартал на Миусской площади после закрытия Высшей партийной школы (ВППШ). Я, возможно, из всех, кто после этого получил доступ на эту территорию, был старейшим по стажу: в раннем детстве, когда мои родители пре-

подавали исторические курсы в ВПШ, они иногда брали меня с собой, и я запомнил четыре одинаковых корпуса мрачного вида; в один из них теперь вселился Институт лингвистики. Было это не позже 1948 г., когда мне было три года (как раз в этом году родители перешли на другую работу). Но потом больше сорока лет я не попадал туда, а теперь здания РГГУ надо было обживать.

В создании нового центра подготовки специалистов гигантскую роль сыграл Александр Николаевич Барулин, которого мы недавно потеряли. Без него лингвистика в РГГУ могла бы и не состояться. Он много сделал хорошего для организации дела, пусть с какими-то его идеями хотелось спорить, как с фразой из его выступления того времени по радио: «Мы готовим элиту». По крайней мере, студенты не должны так думать, иначе начнут задира́ть нос. Туда звали «передовых» ученых, первоначально там и платили лучше, чем в Академии. Приезжавший в Москву из эмиграции в 1994 г. А.К. Жолковский говорил, что все-таки странно, когда чуть ли не все лингвисты сосредоточиваются в одном месте. Но тогда РГГУ в лингвистике (как и в ряде других наук) воспринимался как некий знак качества. Впрочем, звали не всех. Мне, например, не предлагали там постоянно работать, но как-то получалось, что я с осени 1991 г. постоянно бывал в этом квартале. Больше всего, почти каждую неделю, приезжал на задачу́ную комиссию возобновившихся перед этим лингвистических олимпиад для школьников, часто проходили и конференции по разной тематике. А в начале 1994 г. меня пригласили читать курс истории языкознания, который я за год до этого начал вести и на ОСиПЛе.

А ОСиПЛ в это время еще находился в кризисе, но ситуация там уже начала улучшаться. Еще в 1988 г. была восстановлена кафедра, но особенно очевидным возрождение стало, когда в 1992 г. ее возглавил А.Е. Кибрик, безусловно, лучший кандидат на эту роль. Все же время многое скорректировало. Идея Института лингвистики РГГУ как альтернативы ОСиПЛу если и приходила кому-то в голову, то реализована не была. Вскоре стало ясно, что два центра лингвистического (а не филологического) образования должны не бороться, а сосуществовать.

Разумеется, когда я почти в одно время стал читать аналогичные курсы в двух вузах, я должен был думать об их сходствах и различиях. Однако не скажу, что это много меня занимало. Часов в РГГУ было немного меньше, но ни о каких принципиальных различиях речи быть не могло. И скоро стало очевидно, что хотя в программах ОСиПЛа (затем снова ОТиПЛа) и Института лингвистики были некоторые отличия, но если читался один и тот же предмет, то примерно одинаково и лишь с индивидуальными особенностями.

Постепенно идея «элитного» университета западного типа стала уходить в песок, а среди преподавателей-лингвистов преобладали выпускники ОСиПЛа, в результате Институт лингвистики стал развиваться по его образцу и подобию; оказалось и то, что Барулина через несколько лет несправедливо «ушли». Стал преодолеваться и совершенно ненужный антагонизм между вузами и Академией наук. Часть перешедших в РГГУ лингвистов, не оставляя этот университет, стали работать и в академическом Институте языкознания, а для некоторых, как для А.В. Дыбо, он стал основным местом работы. Работал там в последние годы жизни и С.А. Старостин.

Но все же, чем подготовка специалистов в РГГУ стала наиболее существенно отличаться от ОСиПЛа? Тут я, вероятно, не все хорошо знаю. Не говорю о специфике, связанной с привходящими обстоятельствами, вроде несинхронного перехода на бакалавров и магистров. Но, конечно, учитывался и опыт ОСиПЛа, как положительный (многое на самом деле копировалось), так и отрицательный. Например, с самого начала (тут, конечно, было значимым и присутствие Старостина и его людей) большое место заняла компаративистика. Когда я учился в МГУ, у нас не было курсов такого рода, и если бы тогда не преподавал П.С. Кузнецов, которого очень уважал Звегинцев, то мы бы выходили из университета без каких-либо знаний в этой области (кстати, в программе была латынь, но не было старославянского). Причин я достоверно не знаю, но, возможно, играла роль нелюбовь Звегинцева к историко-компаративному уклону на остальном филфаке. И тем не менее ведущие в Москве компаративисты соответствующего поколения вышли именно из ОСиПЛа. Семинар А.Б. Долгопольского и В.А. Дыбо дал им профессиональную подготовку, а база создавалась на отделении в МГУ. Позже к ним подключились и выпускники РГГУ, но пока их в целом заметно меньше.

Другое заметное отличие с самого начала было связано с восточными языками. На ОСиПЛе за многие годы бывали лишь японские группы, с 80-х годов также китайские, потом всего этого не стало. В РГГУ не ставилась специальная задача готовить специалистов по японскому или китайскому машинному переводу (хотя у З.М. Шаляпиной стали работать как раз японисты отсюда). Но Барулин и привлеченный им Г.А. Ткаченко (затем после его смерти М.Б. Рукодельникова) старались по целому ряду восточных языков получить специалистов, которые одновременно знали бы эти языки и владели методами современной лингвистики. Замечу, что все трое некоторое время работали в академическом Институте востоковедения и хорошо представляли, что требовалось для развития восточного языкознания. Одновременно стояла и тради-

ционно не считавшаяся главной на ОСиПЛе проблема знакомства студентов с культурой и реалиями соответствующих стран. Уже в 90-е годы А.Е. Кибрик, приняв там заведование кафедрой, устроил беседу с преподавателями иностранных языков на отделении. И преподавательница испанского языка сказала: у Вас очень интересные студенты, они находят в нашем языке то, что мне и в голову не приходило, но вот беда: не знают, кто такой Гарсия Маркес. А для востоковедов подобные знания еще важнее.

Иначе были поставлены и преподавание математики и прикладных предметов. Снова был привлечен Ю.А. Шиханович, но того значения, как на ОСиПЛе в первые годы, его курсы уже не имели. В РГГУ, несмотря на большое уважение к нему, появилась точка зрения, с которой я глубоко не согласен: большой объем математики был важен лишь в период борьбы с «тоталитаризмом», а теперь необходимости в этом нет. О необходимости «строевой подготовки» можно спорить, но профессиональная подготовка в компьютерной лингвистике, безусловно, нужна. А тут некоторые проблемы остаются десятилетиями. Даже в наше время на кафедре в МГУ слышны жалобы о том, что его выпускники не умеют программировать и применять статистические методы; не знаю, так ли в РГГУ. Но здесь разделили подготовку лингвистов и прикладников. И курсы у них во многом другие, чего никогда не было в МГУ. Я за много лет почти не имел дела со студентами-прикладниками, поскольку у них нет в программе истории языкознания. Разделение, возможно, оправдано интересами дела, но здесь есть опасность деления на «элиту» и «чернь». Однако в лаборатории, созданной З.М. Шаляпиной, прикладники из РГГУ работают успешно.

Годы идут, и многое меняется и в науке, и в интересах людей, включая студентов. Что-то ушло, в том числе увлечение лингвистов математикой и надежды на то, что качества лингвистической модели будут проверяться ее реализацией на компьютере. С другой стороны, стало ясно, что структурный и генеративный подходы к языку объясняют далеко не все и помимо фонетики и грамматики есть еще и культурный аспект языка. В почете семантика и когнитивистика с менее строгими закономерностями, чем в фонологии, что не означает отказа от формальных методов. Ранее единая лингвистика стала распадаться на формальную и функциональную, что теперь отразилось в структуре билетов на госэкзаменах в РГГУ.

Бывают трудности и взаимное непонимание, но это все нормально. Хуже другое, когда для некоторых СМИ олицетворением выпускников и аспирантов Института лингвистики стал Максим Галкин, который, говорят, в одном интервью утверждал, что учился в МГУ: теперь это вновь престижнее. Наблюдается, особенно в

РГГУ, и снижение уровня студентов. Но все-таки подготовка лингвистов в СССР, а затем в России, имеет уже более чем шестидесятилетнюю историю, и достаточно многие выпускники нескольких вузов внесли вклад и в научную, и в научно-практическую и образовательную деятельность. Теперь в Москве уже три учебных лингвистических центра: появился третий в Высшей школе экономики. И чем больше хороших и разных центров, тем лучше.

Литература

Успенский 2002 – *Успенский В.А.* Труды по нематематике. С приложением семиотических посланий А.Н. Колмогорова к автору и его друзьям: В 2 т. М.: ОГИ, 2002. Т. 1. 584 с.; Т. 2. 824 с.

References

Uspenskiy, V.A. (2002), *Trudy po nematematike. S prilozheniem semioticheskikh poslanij A.N. Kolmogorova k avtoru i ego družiam* [Works on non-mathematics. With the appendix of the semiotic epistles of A.N. Kolmogorov to the author and his friends], vol. 1, 2, OGI, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Владимир М. Алпатов, доктор филологических наук, академик РАН, Институт языкознания РАН, Москва, Россия; 125009, Москва, Большой Кисловский пер., д. 1, стр. 1; v-alpatov@ivran.ru

Information about the author

Vladimir M. Alpatov, Dr. of Sci. (Phylology), Full member of the Russian Academy of Sciences, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; bldg. 1, bld. 1, Bolshoy Kislovsky Lane, Moscow, Russia, 125009; v-alpatov@ivran.ru